

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А.А. Федотов

Доктор исторических наук, профессор
Ивановского филиала ЧОУ ВО
«Институт управления»

Е.В. Ширяева

Кандидат философских наук, руководитель
Ивановской региональной общественной
приемной Председателя Партии
«Единая Россия» Д.А. Медведева
в Ивановской области

Два взгляда на смерть в английской литературе первой половины XX века

В статье показано, как английская литература первой половины XX столетия предлагала два принципиально разных взгляда на проблемы значения человеческой смерти, потенциальной возможности бессмертия. Анализ отражения этих взглядов в художественных произведениях проявляет с одной стороны – остроту этой проблематики для двадцатого столетия, сохранившуюся и в настоящее время; с другой – то, как одна и та же реальность может представлять различной при взгляде на нее не только разных людей, но и одного и того же человека в случае его победы над самим собой; показывает восхождение через возвращение к христианской традиции к онтологическим основаниям идеи человеческого бессмертия, ощущаемой не в качестве отвлеченной идеи, а в качестве неотъемлемой части личного опыта.

Ключевые слова: смерть, бессмертие, XX век, идея, онтология, английская литература.

XX век – жестокий период человеческой истории. Две мировые и множество локальных войн, революции, другие потрясения были сопряжены с переменами во взглядах на саму природу человека, который все больше начинал восприниматься как своего рода «винтик» общечеловеческого механизма, чья самостоятельная ценность весьма условна.

Осмысление значения человеческой смерти, потенциальной возможности бессмертия стали темой, которая волновала многих, в том числе и писателей. Английская литература первой половины XX столетия предлагала два принципиально разных взгляда на эту проблему.

Согласно одному из них – земля превращается в ад, смерть – попытка бегства из него. При этом писатели невольно пока-

зывают, что такое бегство не приносит избавления. В романе Джорджа Оруэлла «1984» показывается, как пытающий Уинстона О'Брайен говорит ему: «какой мир мы создаем? Он будет полной противоположностью тем глупым гедонистическим утопиям, которыми тешились прежние реформаторы. Мир страха, предательства и мучений, мир топчущих и растоптанных, мир, который совершенствуясь, будет становиться не менее, а более безжалостным; прогресс в нашем мире будет направлен к росту страданий. Прежние цивилизации утверждали, что они основаны на любви и справедливости. Наша основана на ненависти. В нашем мире не будет иных чувств, кроме страха, гнева, торжества и самоуничтожения. Все остальные мы истребим». [5; с. 232]. Аду не нужны мученики, мучения которых могут вырвать их из него; ему нужны те, чьи мучения станут вечными, и они добровольно согласятся на них. Тот же О'Брайен говорит Уинстону: «Когда вы нам сдадитесь, вы сдадитесь по собственной воле. Мы уничтожаем еретика не потому, что он нам сопротивляется; покуда он сопротивляется, мы его не уничтожим. Мы обратим его, мы захватим его душу до самого дна, мы его переделаем. Мы выжжем в нем все зло, и все иллюзии; он примет нашу сторону – не формально, а искренне, умом и сердцем. Он станет одним из нас, и только тогда мы его убьем. Мы не потерпим, чтобы где-то в мире существовало отклонения даже в миг смерти» [5; с. 221]. И в конце книги Уинстон в момент расстрела «любит Старшего Брата» [5; с. 258].

Главный герой романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» Дикарь пытается бежать от окружающего мира, но мир догоняет его; попытка умерщвлять плоть оборачивается садомазохистской оргией, в которой он принимает самое активное участие; а наутро, не выдержав тяжести совершенного им, вешается... [6]. Весь контекст произведения показывает, что это самоубийство – однозначное поражение Дикаря в его попытке противостоять антигуманистической глобализации, внешне, казалось бы, мно-

го менее страшной, чем в антиутопии Оруэлла.

Вирджиния Вулф в романе «Миссис Дэллоуэй» показывает страдание больной души, видящей в смерти избавление. И при этом она невольно показывает, что эти страдания напрямую связаны с психическим расстройством. Жена одного из героев романа – Септимуса Реция «больше не могла терпеть. Хорошо доктору Доуму говорить, что с ним ничего серьезного. Уж лучше б он умер! Невозможно сидеть с ним рядом, когда он смотрит вот так и не видит ее, и все он делает страшным – деревья, и небо, и детишек, которые катают тележки, свистят в свистульки и шлепаются, – все, все из-за него страшно» [1; с. 24-25]. «Он сидит там под деревом на зеленом стульчике и говорит сам с собой или с этим покойником Эвансом, она всего раз его видела в лавке. Тихий, хороший, большой друг Септимуса; его убили на войне. Что ж, бывает. У всех убивают друзей на войне. И все жертвуют чем-то, когда женятся. Она родиной пожертвовала. Переехала сюда, в этот жуткий город. А Септимус забивал себе голову разными ужасами, так и она могла бы, только дай себе волю. Он делался все непонятнее. Говорил, что за стеной спальни слышит какие-то голоса. И видел видения. Старушечью голову в папоротнике разглядел. А ведь мог бы быть счастливым – пожалуйста» [1; с. 62].

Клинически достоверно писательница передает мысли самого несчастного больного: «он, Септимус, один призван, избран услышать истину, познать смысл, ибо после всех трудов цивилизации (греки, римляне, Шекспир, Дарвин и наконец-то он сам) настала пора открыть смысл непосредственно... “Кому?” – спросил он вслух. “Премьер-министру”, – прошелестели голоса над его головой. Следует открыть кабинету министров тайное тайных: во-первых, деревья – живые; затем – преступления нет, затем – любовь, всеобщая любовь, он бормотал, дрожа, задыхаясь, и эти глубокие, скрытые, зарытые истины было мучительно трудно выговорить, но они полностью и навсегда изменят мир» [1; с. 63-64].

Реция «все дословно записывала. Кое-что было очень красиво; кое-что – полный бред. И вечно он остановится на полуслове, передумает; что-то хочет добавить, что-то новое слышит; поднимает руку и слушает. Но она ничего никогда не слышала. А как-то они вошли, а девушка, которую они наняли убирать комнату, читала его бумажки и хотала. Получилось ужасно. Септимус стал орать про человеческую жестокость, что люди мучат друг друга, раздирают на части павших, кричал, раздирают на части. И еще он сто раз говорил: “Доум нас одолел”. Насочинял разных историй про Доума; как Доум ест овсяную кашу; как Доум читает Шекспира, а сам хохочет или рычит от бешенства; этот Доум для него просто жуткое что-то. Он его прозвал “человеческая природа”. И еще у него видения. Будто он утонул, и лежит на скале, и чайки рыдают над ним. И заглядывает под диван – в море» [1; с. 129].

Два доктора, помощи у которых ищет Реция, не только не помогают больному, но и провоцируют его самоубийство: «Доум его одолеет. Нет же! Только не Доум. Не Брэдшоу. Он встал, качнулся, неловко подпрыгнул на одной ноге, потом на другой; на ручке чистого красивого хлебного ножа миссис Филмер было вырезано “хлеб”. Не хочется его портить. Открыть газ? Поздно, сейчас войдет Доум. Можно бритвы, но Реция их убрала, всегда убирает. Остается только окно, большое окно мебелирашек в Блумсбери; скучное хлопотное, мелодраматическое мероприятие – открывать окно и выбрасываться. Это в их духе трагедия, не по душе ему или Реции (Реция всегда с ним). Доум и Брэдшоу любят такое. (Он сел на подоконник.) Он подождет до самой последней секунды. Ему не хочется умирать. Жизнь хороша. Солнце светит. Но люди... Старик спустился по лестнице в доме напротив и снизу уставился на него. Доум у двери. “Вот тебе!” – крикнул он и рванулся, рванулся вниз, на оградку подвала миссис Филмер.

– Трус! – крикнул доктор Доум, врывается. Реция побежала к окну; она увидела; она поняла» [1; с. 136-137].

А ведь незадолго до этого «доктор Доум его осмотрел и не нашел абсолютно ничего серьезного» [1; с. 84].

Другой взгляд на смерть предлагают английские писатели, которые в своем мировоззрении опираются на христианскую традицию. Грэм Грин показывает вроде бы такой же безотрадный мир, но в то же время и в таком мире возможны вера, внутренняя борьба и победа человека над собой и своими страхами.

Роман Грэма Грина «Сила и слава», наполненный внутренними конфликтами персонажей – на первый взгляд, роман без положительных героев и, кажется, что и без надежды.

Главный герой, «пьющий падре», – человек, сотканный из противоречий. «Детство у него было счастливое, только он всегда боялся и ненавидел нищету не меньше чем преступление. Он верил: стану священником и буду богатый и гордый – это называлось иметь призвание. Какой длинный путь проходит человек по жизни – от первого волчка и вот до этой кровати, на которой он лежит, сжимая в руке бутылочку с бренди! А для Бога это лишь мгновение». [2; с. 319]. Он говорит, оказавшись в тюрьме, в ожидании возможно близкой смерти: «– Все мы здесь собратья по плену. Вот мне сейчас хочется пить больше всего на свете, больше, чем почувствовать Бога. Это тоже грех» [2; с. 377].

Смерть его страшит, что показывает беседа в той же тюрьме:

«– Вас расстреляют, отец, – сказал женский голос.

– Да.

– Вы боитесь?

– Да, конечно.

Из угла до него донесся новый голос — грубый, настойчивый:

– Мужчины этого не боятся.

– Правда? – сказал священник.

– Будет немного больно. Чего же вы хотите? Так и должно быть.

– И все-таки, – сказал священник, – я боюсь.

– Зубная боль и то хуже.

– Не каждый такой храбрец.

Голос презрительно проговорил:

– Вы, верующие, все на один лад. Христианство сделало из вас трусов.

– Да, может ты и прав. Видишь ли в чем суть, – я плохой священник и плохой человек. Кончат жизнь не покаившись... – Он смущенно хмыкнул. – Тут невольно призадумался.

– Вот-вот. Об этом и речь. Вера в Бога делает человека трусом. – Голос звучал торжественно, словно говорившему удалось доказать какую-то истину.

– Как же быть тогда? – сказал священник.

– Лучше не верить – и не будешь трусом.

– Так, понимаю. Значит, если мы поверим, что губернатора не существует и хефе тоже нет, если мы прикинемся, будто тюрьма не тюрьма, а сад, какие из нас выйдут храбрецы!

– Чепуха!

– Но когда мы поймем, что тюрьма – это все-таки тюрьма и что губернатор там, на площади, действительно существует, будет ли иметь значение, если час-два мы были храбрецами?

– Никто не скажет, что эта тюрьма не тюрьма.

– Да? Тебе так кажется? Я вижу, ты мало слушаешь, что говорят политики» [2; с. 372-373].

«Он не заснул больше; у него опять шел торг с Богом. Если он вырвется из тюрьмы, на сей раз это будет окончательно. Он пойдет на север, через границу. Но спасение настолько невероятно, что в случае удачи в нем можно будет усмотреть знак, указание: вред, который он приносит своим примером, больше добра, которое он творит изредка, принимая исповеди» [2; с. 379].

А вред этот вполне реален, он даже не в том, что «одна бедная женщина понесла к нему сына крестить. Она хотела назвать его Педро, но священник был так пьян, что будто и не слышал и дал ребенку имя Бригитта» [2; с. 281]. Он в том, в чем обвинил его лейтенант: «По твоей милости я расстрелял троих заложников. Бедняков. Я возненавидел тебя из-за них» [2; с. 435].

И ведь священник видит живых заложников в тюрьме, когда, как ему только что казалось, готов к смерти, он сказал о своем сане заключенным, но не решается признаться властям. Особая насмешка в том, что арестованные не сдают падре, в полиции не узнают, что он священник; в итоге задержанный всего лишь выливает ведра с испражнениями из камер в выгребную яму в качестве наказания за то, что попался пьяный, а лейтенант дает ему на прощание монету в пять песо. «Священник удивленно зажал монету в кулаке – столько стоит заказная месса» [2; с. 385].

Но конец романа, когда главный герой пойман, приговорен к расстрелу, проводит накануне его ночь в мучительных терзаниях, показывает, что священнику удалось все-таки победить в себе страх смерти, столь долго его терзавший: «Какой я нелепый человек, – подумал он, – нелепый и никому не нужный. Я ничего не сделал для других. Мог бы и вовсе не появляться на свет». Его родители умерли – скоро о нем даже памяти не останется. Может быть, он и адских мук не стоит. Слезы лились у него по щекам; в эту минуту не проклятие было ему страшно, даже страх перед болью отступил куда-то. Осталось только чувство безмерной тоски, ибо он предстанет перед Богом с пустыми руками, так ничего и не свершив. В эту минуту ему казалось, что стать святым легче легкого. Для этого требовалось только немного воли и мужества. Он словно упустил свое счастье, опоздав на секунду к условленному месту встречи. Теперь он знал, что в конечном счете важно только одно – быть святым». [2; с. 446].

Его смерть стала началом веры для мальчика, который демонстрировал свое отторжение от нее в протест религиозной матери, не умевшей найти к нему подхода. Мальчик спрашивает мать:

«– Он крикнул: “Viva el Cristo Rey”?»

– Да. Он был мучеником Церкви» [2; с. 454].

В христианстве английские писатели первой половины XX века нашли то, что не просто дает им силы жить, но и является онтологическим основанием идеи челове-

ского бессмертия. К.С. Льюис и Г.К. Честертон живут в том же мире, но при чтении их произведений возникает ощущение, что им удалось увидеть совсем иные грани реальности, чем многим из их современников.

Клайв Стейплз Льюис предлагает своим читателям верить даже, если весь мир будет говорить им обратное. Один из героев его сказки «Серебряное кресло» говорит колдунье, предоставившей ему «неоспоримые» доказательства того, что всего, во что он верил, не существует: «Все, что вы сказали, верно. Я всегда хочу знать худшее и держаться как можно лучше. Поэтому спорить не стану. Допустим, мы видели во сне или выдумали все это: деревья, траву, солнце, звезды и даже Аслана. Но тогда выдумка лучше и важнее реальности. Допустим, это мрачное место и есть единственный мир. Тогда он никуда не годится. Может, мы и дети, играющие в глупую игру. Но четверо детей создали игрушечный мир, который лучше вашей реальной ямы. Я не предаю игрушечного мира. Я останусь с Асланом, даже если Аслана нет. Я буду жить как нарниец, даже если нет Нарнии. Благодарю за ужин, но мы четверо покинем ваш двор, вступим в темноту и будем искать дорогу наверх. Не думаю, что жизнь эта будет долгой, но стоит ли о том жалеть, если мир таков, каким вы его описали» [4; с. 95].

В своей сказке «Лев, колдунья и платяной шкаф» К.С. Льюис пишет о победе над смертью: «когда вместо предателя на жертвенный Стол по доброй воле войдет тот, кто ни в чем не виноват, кто не совершал никакого предательства, Стол сломается и сама смерть отступит перед ним» [3; с. 103].

Перешедший в зрелом возрасте из протестантизма в католичество Гилберт Кийт Честертон делает это не вследствие интеллектуального решения. Он объясняет это так: «Когда меня или кого-нибудь другого спрашивают: “Почему вы приняли католичество?”, мы отвечаем быстро и точно, хотя и не для всех понятно: “Чтобы освободиться от грехов”» [7; с. 207]. Евангелие для писателя – не этическое учение, это проповедь Воплощенного Бога, главное в

которой – сам факт Боговоплощения: «Сквозь все поучения Христа проходит нить, почти незаметная для тех, кто говорит, что это именно поучение. Когда читаешь Евангелие, так и кажется, что на самом деле Он пришел не для того, чтобы учить» [8; с. 220]. «Простые слова Евангелия тяжелы как жернова, и тот, кто может читать их просто, чувствует, что на него свалился камень» [8; с. 223].

Быть героем в мире, лежащем во зле, совсем непросто. В «Перелетном кабаке» Честертон в маленьком диалоге показывает, какая судьба героя может ждать:

«– Что еще можно сделать с героем, – спросила миссис Макинтош, – как не поклониться ему?»

– Его можно распять, – сказала Джозан» [10; с. 231].

Но Честертон при этом не ищет мученического пути. В предисловии к «Ортодоксии» он пишет: «нам нужна жизнь повседневной романтики; жизнь, соединяющая странное с безопасным. Нам надо соединить уют и чудо. Мы должны быть счастливы в нашей стране чудес, не погрязая в довольстве» [9; с. 359-360]. И писатель говорит о том, что «христианство имеет дело с весомой, вне нас существующей реальностью, с внешним, а не только с вечным. Оно возвещает, что мир действительно есть, что мир – это мир. В этом оно совпадает со здравым смыслом» [8; с. 175]. Писатель уверен, что единственный источник истинной жизни для человека – это Христос, но нужно поверить в Него – Воплощенного Бога: «Если считать, что Он только человек, вся история становится несравненно менее человеческой. Исчезает ее суть, та самая, что поистине пронзила человечество. Люди отвергают догму не потому, что догма плоха, а потому что она слишком хороша. Она дарует слишком большую свободу, чтобы оказаться правдой. Она дарует немыслимую свободу, ибо человек может пасть. Она дает небывалую свободу – сам Бог может умереть. Вот что должны были бы сказать просвещенные скептики, и я ни в малейшей степени не собираюсь возражать им. Для них – мироздание – тюрьма, жизнь – сплошные ограниче-

ния; не случайно, говоря о причинной связи, они вспоминают цепь. Им кажется, что поверить в нашу свободу – все равно, что поверить в страну фей. Мы вправе вполне буквально сказать, что истина сделала нас свободными»[8; с. 246-247].

Два столь разных взгляда на смерть в английской литературе первой половины XX века показывают, с одной стороны – остроту этой проблематики для двадцатого столетия, сохранившуюся и в настоящее время; с другой – то, как одна и та же реальность может представлять различной при взгляде на нее не только разных людей, но и одного и того же человека в случае его победы над самим собой; показывают восхождение через возвращение к христианской традиции к онтологическим основаниям идеи человеческого бессмертия, ощущаемой не в качестве отвлеченной идеи, а в качестве неотъемлемой части личного опыта.

Библиографический список:

1. Вулф В. Миссис Дэллоуэй // В. Вулф. Малое собрание сочинений. Спб., 2014.

2. Грин Г. Сила и слава. / Г. Грин. Брайтонский леденец. Сила и слава. Суть дела. Романы. М., 2009.

3. Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф // Собр. соч. в 8 т. Т. 5. Спб., 1999.

4. Льюис К.С. Серебряное кресло / Собр. соч. в 8 томах. Том 6. М., 2000.

5. Оруэлл Д. 1984. Скотный двор. М., 2011.

6. Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2011.

7. Честертон Г.К. Бог с золотым ключом (из «Автобиография») // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.

8. Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.

9. Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.

10. Честертон Г.К. Перелетный кабак // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. Спб., 1992.

©Федотов А.А., Ширяева Е.В., 2017